

ТАТЬЯНА УСТИНОВА

Рояль в кустах!..

«Читая детектив скажем, за завтраком, ко второй чашке кофе точно знаешь, кто убийца», — это придумал Рональд Нокс, создавший десять заповедей классического детектива. Известно также, что в романе не должно быть китайца, привидения, неизвестного яда и более чем одного потайного хода!..

Новая книга Екатерины Островской «Сверх отпущенного срока» не нарушает ни одного завета достопочтенного англичанина. И тем более невероятно, что вся история — совершеннейший рояль в кустах!..

А как иначе? Нас, читателей увлеченных, последнее время ничем не проймешь! Мы стали привередливы и слишком разборчивы. Тут автор «недожал», здесь «недокрутил», там «недостаточно запутал следы», да и вообще «не верю!»! Получите! Екатерина Островская разом заткнула нас, читателей, за пояс, написав новый невероятный детектив — «Сверх отпущенного срока»!

Как можно создать интересную и сложную детективную историю, построенную на совпадениях, да так, чтобы ни разу не дать маху? Я не могу вообразить, как в кристаллическую решетку железной логики уместить цепочку превосходно-неожиданных совпадений. А у Екатерины Островской это получается талантливо и почти что виртуозно. «Сверх отпущенного срока» — захватывающее, *абсолютно новое* чтение, способное удивить даже самого искушенного читателя.

Для меня совершенной неожиданностью явилось открытие, что роман «Сверх отпущенного сро-

ка» — на самом деле трогательная история про старых друзей и большую, странную семью, которая воссоединится несмотря ни на что! Мы-то с вами знаем, что Екатерина Островская мастер возвращать «надежду там, где надежды нет». Потому что герои ее детективов — обыкновенные живые люди, которым очень нужны друзья, семья и надежда.

А еще Екатерина Островская — большая выдумщица, интриганка и плутовка — не боится допущений и условностей. Если подобрать правильную дозировку, они действительно пойдут на пользу любому детективу! Ей удалось почувствовать, что хороший детектив — это не история про настоящее расследование взаправдашнего убийства, а всего лишь игра — увлекательная, запутанная, безусловно, опасная и очень азартная. И мы, благодарные читатели, верим в эту игру и, захлебываясь от восторга, сбивчиво пересказываем друг другу сюжетные перипетии новой книги.

Сейчас я как раз буду сбивчиво пересказывать сюжет. Ну, в двух словах! Когда актер Алексей Дальский, ветеран Чеченской войны, соглашается стать двойником олигарха Потапова, то и не подозревает, насколько опасной может оказаться эта странная и простая на первый взгляд работа. Лимузин Потапова взорван, сам олигарх погиб, и теперь Алексею придется как никогда убедительно играть свою роль, потому что это единственная возможность во всем разобраться, высвободиться из липкой паутины лжи и козней, уgomонить разбушевавшегося злодея, который, как всегда, оказался не тем, за кого себя выдавал. И помощи Алексею ждать неоткуда! Разве что автор снова чего-нибудь выдумает!.. И Екатерина Островская выдумывает нам на радость!

В салоне микроавтобуса было накурено и душно. Привычный к подобной атмосфере водитель, позевывая, управлял автомобилем, никуда не торопясь, стараясь двигаться со скоростью потока. Впрочем, движение на трассе было не особенно плотным, а потому микроавтобус летел достаточно быстро, разбрызгивая снежную кашу. Трое пассажиров переговаривались негромко, перебрасываясь фразами лишь для того только, чтобы занять себя хоть чем-то на все время пути. Возле водителя сидела молодая женщина в слегка потертой лисьей шубке — вполне обаятельная и раскованная особа: еще не дама, но уже пытающаяся подчеркнуть свой статус — статус человека, уже кое-чего добившегося в жизни. На пассажирском сиденье расположилась пара — пятидесятилетний господин в новом пальто и девушка, держащая его под руку так бережно, словно надеялась удержать своего спутника, если вдруг случится крутой поворот или резкое торможение.

— Мы очень долго искали натуру, — объясняла господину в пальто женщина в лисьей шубке, — хотели найти тихое место, чтобы народу было поменьше и вообще...

— Чтобы на оцепление не тратиться, — кивнул ее собеседник, — а то, когда у нас кино снимают, каждый дурак пытается в кадр попасть...

— Не только поэтому, — возразила женщина, — просто по сценарию дело происходит в тихой деревне на берегу реки...

Микроавтобус сбросил скорость и, проехав немного, остановился.

— Кажись, приехали, — объявил водитель, — все три полосы забиты. Если ДТП, то это надолго...

— Там что-то горит, — негромко произнесла девушка, продолжая держать двумя руками рукав пальто своего спутника. А тот, приподнявшись немного, посмотрел через лобовое стекло.

— Изрядно дымит, — согласился обладатель нового пальто, — пока не погасят и завалы не разгребут, точно с места не тронемся.

— Какие завалы! — возразил водитель. — Две-три машины столкнулись — трасса-то скользкая... Сейчас их оттащат... Хотя вон сколько полиции и вообще...

Он не договорил, потому что мимо микроавтобуса уже пробежали люди, стремящиеся поближе разглядеть то, что случилось на трассе, над которой уже зависал вертолет, выбирая место для посадки.

Водитель опустил стекло и высунул голову наружу. Наконец он увидел подошедшего ко впереди стоящему автомобилю человека и обратился к нему:

— Что хоть случилось?

— Кого-то взорвали, — ответил тот, — лимузин какой-то на куски, две машины сопровождения всмятку, встречная фура под раздачу попала — в ней, говорят, тоже никто не выжил... Вспыхнула фура, как...

— А кто в лимузине был? — встрепенулся водитель.

Но его собеседник лишь пожал плечами.

— Никто ничего не объясняет. Но полиции там столько! Говорят, что все руководство МВД сейчас прилетит...

Водитель поднял стекло и обернулся к своим пассажирам:

— Ну, вы все слышали сами: так что стоять будем долго, если нас не развернут и не направят по встрече...

— Ужас какой! — вздохнула женщина в лисьей шубке.

— Узнать бы, кого грохнули, — вздохнул водитель и обвел взглядом пассажиров, словно ища их одобрение. — Может, радио включить? Вдруг сообщат, кого и за что... Как-то не хочется в неведении сидеть. Если это взорвали того, о ком я подумал сейчас, то что получается тогда — новые выборы, что ли? Лично мне эти обещания светлой жизни уже надоели. Смотрю на их рожи в телевизоре, а они все ла-ла-ла... Лапшу вешают...

— Сеня, — прервала его рассуждения женщина в шубе, — ты уж поосторожней, что ли...

И посмотрела на господина в пальто.

— Пусть говорит, — кивнул тот, — мне до этого никакого дела нет: артисты каждой власти нужны. Театры никто никогда не закрое. Хотя, как говорится, весь мир — театр.

Господин в новом пальто посмотрел на девушку и, наклонившись, поцеловал ее в щеку. Потом погладил ее плечо и шепнул:

— Я вдруг ни с того ни с сего Лешку Дальского вспомнил. Как он там со своим чесом? Небось сидит сейчас в клопах проеденном номере заухудалой гостиницы, пьет кислое пиво или стирает носки в умывальнике и не ведает даже, какие дела нынче перед нашими глазами происходят... Сейчас бы мы с ним здесь! Зачем он вообще из театра ушел?

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Алексей уже взялся за бронзовую ручку двери, но отпустил, застыв на пороге. Тяжелая дверь так и осталась полуоткрытой. На улице не было ничего интересного: две девочки лет четырнадцати стояли возле репертуарной афиши и поглядывали на приотворенный служебный вход театра. Вытягивая шеи, обе пытались рассмотреть того, кто должен появиться из полумрака на свет. Выходить расхотелось, и не потому, что Алексей понимал — поджидают не его, просто среди бела дня идти ему было некуда и незачем. Он притянул створку, но та поддавалась не сразу, а посопротивлялась немного. Странно, Дальский только сейчас обратил внимание на эту особенность двери служебного входа, хотя служит в театре без малого одиннадцать сезонов.

За стеклом будки вахтеров вязала свитер семидесятилетняя Серафима Петровна, которую все обычно называли по имени — Сима. Не отрываясь от своего занятия, старушка произнесла:

— Ну, чего застрял? Ты уж или туда иди, или здесь оставайся, а то сквозняк мне устроил.

На лицо Алексея легла горькая усмешка. Когда тебе тыкает коллега, пусть даже совсем молоденький, это нормально: в театральном мире все братья, но когда тебя ни во что не ставит вахтерша, становится обидно. К тому же наводит на неприятные размышления.

— Поскольку ты тут еще, — добила его Сима, — почитай приказы, а потом распишись в журнале, что ознакомлен. Теперь все будете расписываться, директор приказал.

Алексей подошел к доске объявлений, ничего приятного для себя не ожидая: когда распределяют роли, почему-то всегда забывают, что есть в театре такой актер, как Дальский. Не первый год ему ничего не предлагают. Хорошо еще, сохраняют в репертуаре три старые постановки классических пьес и одну современную, про одинокую красивую девушку. В них он занят, пусть и во вторых составах, зато роли не самые маленькие. Хотя, как известно, маленьких ролей не бывает.

Взгляд пробежал по приказам и объявлениям. Непосредственно Алексея касалось лишь одно сообщение: «За систематическое нарушение трудового режима, выраженное в полном пренебрежении к репетиционному процессу, объявить выговор...» Дальше шли фамилии прогульщиков: Карнович, Плотников, Семиухов. Но первой, конечно, стояла фамилия Дальского. Вероятно, он попал во главу этой банды по алфавиту.

Алексей попытался вспомнить, кто такие Плотников и Семиухов, но не смог. И обернулся к будке вахтерши. Сима склонилась над своим вязанием, из-за стойки торчала лишь ее седая макушка. Тогда Дальский сорвал приказ, скомкал и сжал листок в кулаке, продолжая как будто с интересом разглядывать информацию. Кое-что вызывало радостное недоумение — например, поздравление режиссера театра Вадима Карновича с пятидесятилетием и присвоением ему почетного звания заслуженного деятеля искусств. Удивительно: на одной доске Вадиду и выговор, и поздравление.

Был там еще один замечательный приказ — в пункте первом актрису театра Викторию Соснину поздравляли с двадцатипятилетием и желали новых творческих достижений, а в пункте два награждали ее премией в размере месячной ставки. Для молодой актрисы такая премия разве что моральное поощрение — Вика не вылезала со съемочных площадок, на телеэкранах страны с утра до вечера шли сериалы с ее участием. В театре же она была занята всего в одной постановке — как раз в той про умную, скромную и красивую одинокую девушку, которая сидит в свой день рождения дома и страдает от отсутствия любви, а к ней приходят чередой разные знакомые, заставляя именинницу мучиться и страдать еще больше.

Дальский играет в этом спектакле роль пьяного гаишника, который заявляется в приличный дом в уличной форме со светоотражателями на рукавах и брючинах, садится за стол, достает из-за пазухи бутылку виски, делает затяжной глоток, морщится и произносит проникновенно: «Нет у меня с тобой будущего, Аня! У меня сегодня отобрали права. А ведь я любил тебя. Но не судьба, видно». В ходе действия персонаж допивает бутылку, пытается заснуть, уронив голову на стол, но потом к героине забегают лучшая подруга и уводит завидного жениха с собой.

От Сосниной даже на сцене за версту несет дорогими духами. Та актриса, что изображает лучшую подругу героини, однажды выволокла пьяного гаишника Дальского и, едва они оказались за кулисами, тут же начала материться на предмет того, что Вике надо вести себя скромнее, к тому же у некоторых может быть аллергия на «Мажи нуар»...

А это еще что такое среди объявлений и приказов?

«Дальский, собака, верни сто рублей!»

Алексей быстро сорвал бумажку, тоже скомкал и зажал в другом кулаке. Затем вернулся к стеклянному «скворечнику», в котором продолжала вязать свитер Сима. На стойке лежала раскрытая амбарная книга с разграфленными листами в клеточку. Алексей вписал свою фамилию и оставил свой росчерк, мол, ознакомлен с приказами.

— А теперь то, что сорвал со стены, верни на место, — приказала Сима, не поднимая глаз от будущего свитера.

— Это личное, — возразил Дальский, достал из кулака скомканную бумажку, разгладил ее и показал вахтерше.

— Кому же ты сто рублей должен? — поинтересовалась старушка. И сама же ответила: — Судя по почерку, Вадику Карновичу. Но ему можешь не возвращать, все равно он их пропьет.

— Да не должен я ему ничего! — попытался оправдаться Алексей. — Просто однажды...

— А что у тебя во втором кулаке? — прервала его Сима.

Дальский разжал пальцы и отдал комок вахтерше.

— Расправь и пришпандорь обратно на доску, — приказала старуха.

— Это тоже личное, — объяснил Алексей.

Сима начала разглаживать листок, потом перевернула его и замерла в недоумении: перед ней лежал чистый, хотя и мятый листок бумаги, на котором не было отпечатанного приказа. И вообще ничего не было.

— А где...

— Усе бы так трудились, как вы, Серафима Петровна. Давно пора усем так же, как вы... Сами усе прекрасно понимаете, невзирая на лица... тогда бы

у нас все было, а мы сами все были бы у этой передовой позиции...

Данный монолог Дальский произнес голосом директора театра Долгополова. Вахтерша вздрогнула и оглянулась. Никого рядом с Алексеем не обнаружилось, и все равно Сима перешла на шепот:

— Талант! Ты один такой в театре, а другие — дураки тупые... Не переживай, у тебя все впереди еще.

— Кстати, а кто такие Плотников и Семиухов? — вспомнил Алексей.

— Семиухов — осветитель, Плотников — рабочий сцены.

— М-да, — расстроился Дальский, узнав, что его наказали одним приказом с осветителем и рабочим.

Он снова взялся за бронзовую ручку и тут услышал, как Сима произнесла вслед:

— Тут недавно позвонили и спросили, в театре ли ты. А я вспомнить не могла и дала им номер твоего мобильного. Подумала, вдруг с киностудии какой звонят?

Глава 2

Девочки по-прежнему стояли возле репертурной тумбы. Когда Алексей приблизился к ним, школьницы вдруг встрепенулись и стали тыкать друг дружку острыми локотками.

«Неужели хотят у меня автограф попросить?» — удивился актер.

Одна из девочек шагнула навстречу.

— Вы не скажете, Виктория Соснина скоро освободится?

— Думаю, Вика ангажирована надолго, — вздохнул Дальский, — к тому же вряд ли сейчас находится в театре.

— А где же тогда? — поинтересовалась вторая девочка.

Алексей пожал плечами.

— Мало ли в России спонсоров.

Прозвучало глупо и зло. Неужели он позавидовал чужой популярности? Или разозлился оттого, что старуха-вахтерша, увязшая в своем свитере и маразме, сказала, что у него все впереди?

— Кто это? — раздался за спиной Дальского девичий шепот.

— Тоже артист, он недавно в сериале олигарха играл. Его убили еще во второй серии, но дядька предварительно все деньги на жену перевел, и на нее начали охотиться. В роли жены, кстати, Со-снина была. У нее красная спортивная машина, и...

Алексей уже не слушал.

«Ты один такой», — сказала Сима. Нет, неправда. Таких, как он, много, даже слишком много. Хотя в театральном училище Дальский оказался далеко не случайно.

Его отец был актером, и, по театральной традиции, Алексея должны были называть Алексей Дальский-младший. Или Алексей Дальский-второй. Но не называли. И даже не из-за того, что традиция канула в Лету, а потому лишь, что молодой Алексей Алексеевич Дальский как актер ничего собой не представлял. В детстве, правда, снялся в нескольких фильмах, в тех, где участвовал отец. А позже отец же отвел сына в театральное училище, которое заканчивал сам и в котором теперь его бывший однокашник набирал свой собственный курс. Дальский-младший ничем не выделялся, разве что

мог имитировать голоса, походку и манеры преподавателей. Умел, даже не открывая рта, изобразить любого человека достаточно узнаваемо.

Понятно, что телефонными розыгрышами Леша занимался постоянно. Однажды позвонил на вахту студенческого общежития и голосом ректора училища попросил позвать к телефону студентку второго курса Веронику Соснину. Старшая сестра будущей звезды слезоточивых российских сериалов оказалась девушкой наивной и очень доверчивой. Да и как тут было не поверить, когда народный артист и театральная звезда басил в трубку:

— Милочка, не знаю, к кому и обратиться, но вдруг вспомнил ваш этюд на вступительных экзаменах, где вы изображали молодую тигрицу. И очень, я вам скажу, неплохо изобразили. Так вот, милочка, ко мне тут друзья должны нагрянуть, а в магазин я не побегу — квартиру-то не бросишь. Не могли бы вы мне букет цветов для гостей привезти? И бутылочку коньяка прихватите. Коньяк армянский, «Ахтамар» называется. А цветы любые, но чтобы пахли роскошно. Возьмите такси, милочка, чтобы не задерживать уважаемых людей. И потом поухаживайте за нами сегодня. Вы представляете меня в роли подающего на стол? «Кушать подано, господа!» Лично я не представляю. Ха-ха...

У Вероники денег не было вовсе, но она пробежалась по комнатам общежития и заняла. За коньяком и цветами помчались подружки, умирающие от зависти, Вероника же тем временем укладывала волосы, гладила блузку и тряслась от страха и восторга.

Народный артист оказался дома и сам открыл дверь. Только что у него состоялся тяжелый разговор с женой. Правда, говорила только жена, а теперь она плакала где-то в глубине квартиры.

Ректор появился на пороге в пурпурном парчовом халате.

— Вот, — произнесла скромная второкурсница, протягивая букет белых лилий и бутылку коньяка. — Все, как вы хотели. Я готова поухаживать сегодня за вами и выполнять ваши прихоти.

— Сволочь!!! — пронзил квартиру и все мировое пространство женский вопль. — Он своим бабам уже дома свидания назначает!

— Вон, — спокойно и красиво пробасил народный артист. И повторил, поморщившись: — Вон!

Затем ректор начал закрывать дверь.

— Не попадайтесь мне больше на глаза!

Вероника рыдала всю ночь. Умные подружки сообщили ей, кто ее так подло разыграл, только девушке от этого легче не стало. Она потеряла веру в людей, в свое будущее, и жить ей больше не хотелось. Леша приходил, конечно, извиняться, но его не впустили.

Весь следующий день Соснина тоже плакала. А рядом сидели подружки, у которых она заняла деньги, и следили, чтобы Вероника не выпрыгнула в окно.

К вечеру, когда у жертвы обмана уже иссякли слезы, в дверь комнаты постучали. На пороге стоял ректор. Он обвел взглядом собравшихся и кивнул обомлевшим от созерцания театрального божества подружкам:

— Ступайте гулять, милочки.

Народный артист проследил, чтобы девушки надели пальто, потому что на улице было прохладно, затем проверил, не остались ли любопытные подружки за дверью. После чего подошел к кровати, на которой замерла несчастная и обманутая Вероника, прикрывавшая уголком одеяла распухшее от многочасовых рыданий лицо.

— Вчера вы приходили ко мне с коньяком, — вспомнил ректор. — Та бутылка еще жива?

— В тумбочке, — еле слышно прошептала несчастная и обманутая.

Неожиданный гость опустил на стул, наклонился и достал из тумбочки бутылку «Ахтамара». Откупорил и проверил чистоту двух стоящих на тумбочке чайных чашечек. Наполнил каждую до половины.

— Давай-ка, милочка, выпьем за наше с тобой здоровье.

Вероника кивнула, схватила чашку двумя руками и стала делать мелкие глотки, словно пила не коньяк, а горячий чай. Ректор осушил свою чашку залпом и вновь заговорил:

— Сегодня ко мне приходил некто Дальский, который признался во всем и покаялся. Я, конечно, Дальского накажу, уволю...

— Нет, — выдавила Вероника, у которой горло сдавила горечь, а грудь жег огонь, — не выгоняйте его, Леша добрый и очень талантливый.

— Думаешь? — усмехнулся народный артист. — Я, естественно, попросил его показать, что он тебе наговорил. Действительно, смешно. И похоже.

— Да, — кивнула Соснина.

Ректор налил еще коньяка, на сей раз себе больше половины чашки, а Веронике совсем чуть-чуть.

— Ну, милая, давай теперь за наше служение Мельпомене... Кстати, знаешь, почему ее изображают с палицей в руке?

— Нет, — испугалась своей необразованности Вероника.

— Потому что она лупит ею самых преданных своих слуг. Ладно, Дальского я оставлю на курсе, а вот сам уйду. Администратором быть — это не по мне. Короче, тут один столичный театр остался без руко-

водителя, попытаюсь проникнуть туда главным режиссером. Я ведь там прослужил почти два десятка лет. Так что будем считать, что отношения подчиненности между нами теперь отсутствуют. Я хочу извиниться перед тобой за свою вчерашнюю грубость. Поднимайся, собирайся: мы посетим ресторан ВТО.

— Не могу, — прошептала Вероника, — я очень плохо выгляжу.

— Тогда поедем в «Арагви».

— А ваша жена?

— Надеюсь, там ее не будет. К тому же мы договорились развестись. У меня это будет четвертый развод, у нее — второй. К тому же ей есть куда идти: ее молодому другу двадцать семь, она старше его ровно на десять лет, и он балетный.

Леша Дальский в тот вечер не поехал домой, остался в общаге, чтобы проникнуть в комнату Вероники и умолить ее простить его. А пока сидел в комнате бурята Цыдынжапова и пил пиво с хозяином. За стеной кто-то гонял на магнитофоне взад и вперед одну и ту же кассету «Бонни М», Лешке приходилось кричать, чтобы Цыдынжапов его слышал. А хотелось говорить постоянно, чтобы хоть кто-то понял, насколько он раскаивается.

Было уже за полночь, когда к ним в комнату ввалилась не совсем трезвая Соснина. Вероника глупо улыбалась, и на ее покрасневшем лице светились двумя неправильными кругами вокруг глаз зеленые тени с серебряными блестками.

— Всем сидеть! — приказала второкурсница и помахала своему отражению в большом настенном зеркале.

После чего икнула и извинилась:

— Простите меня, мальчики. Я была в этом... как его... в «Арагви». А потом еще где-то. Ты, Леша,

не бери в голову, ты ни в чем не виноват. А то сидишь тут и на всю общагу орешь, какой ты негодяй. А я, между прочим, очень даже счастливая... ик... — Вероника обернулась к Цыдынжапову. — Вот ты, Володя, когда родился, уже знал, кем быть. Или твои родители знали, потому что у тебя дедушка народный артист.

— Прадедушка, — уточнил Цыдынжапов.

— Какая разница! — махнула рукой Соснина, чуть не упав при этом. — У Алешки папа заслуженный артист, и он сам с детства в кино снимался. Все вы такие... А у меня мама поваром в заводской столовой работает, а отца вовсе нет. Я учусь, сестра еще маленькая, маме одной крутиться приходится...

— Поваром — это хорошо, — заметил Володя Цыдынжапов, — с голода не умрете.

— Не умрем, — согласилась Вероника.

Она вдруг обхватила шею Дальского руками и — стала сползать вниз. Лешка с помощью Цыдынжапова усадил сокурсницу на кровать.

— А ведь ты мне очень нравился. Если честно, я в тебя даже влюблена была. Но теперь — все!

— А что случилось-то? — поинтересовался Цыдынжапов.

— Не скажу. Но все равно, спасибо тебе, Леша...

Училище Соснина все-таки закончила. Только годом позже Дальского, потому что из-за рождения ребенка брала академический отпуск. И сразу после окончания училища вышла замуж за бывшего ректора, а тот не хотел, чтобы его жена была актрисой.

Алексей по распределению оказался в московском театре. Правда, его сразу предупредили, что ролей он может не дожидаться, а если и потребуются что-то изображать, то лишь шаги за сценой. Театр был старый и заслуженный, актеры в нем тоже за-

служенные, и вводить молодежь в состав исполнителей значило бы отодвинуть тех, кто создавал славу коллектива. Зато не запрещалось дружить с киношниками. Дальский вскоре получил предложение сыграть роль молодого лейтенанта в полнометражной ленте и успел даже отработать свои эпизоды. А потом, после съемок, но еще до озвучивания картины, его на год призвали в армию.

Глава 3

Жена сидела в кресле перед телевизором и хлебала борщ. На ее коленях стоял поднос с тарелкой супа и переполненной окурками пепельницей.

— Мне никто не звонил? — спросил Алексей, входя в комнату.

Супруга продолжала неотрывно глядеть на экран, считая, как видно, что вопрос был задан кому угодно, только не ей. С экрана на нее проникновенно смотрел известный всей стране олигарх Потопов и что-то вещал.

— Нина, мне кто-нибудь звонил? — повторил Дальский.

— Да кому ты нужен! — отмахнулась жена.

Алексей вздохнул. Он действительно не нужен никому. Вахтерша, судя по всему, что-то перепутала: никто не звонил в театр и Дальским не интересовался.

— Ты бы послушал, очень умные вещи говорит, — обронила Нина, не оборачиваясь. — А то вдруг придется снова играть богатых людей. Будешь хоть знать, что и как произносить.

— Я не сочиняю сценарии, а только читаю текст, который мне подсовывают перед началом съемок.

— Потому и получаешь двести баксов за съёмочный день, а те, кто головой работает, в пятнадцать раз больше.

Алексей хотел огрызнуться, но промолчал. Вероятно, вспомнил Вику Соснину, у которой каждый день жизни — съёмочный и которой платят куда больше, чем могла представить себе жена такого неудачника, как он.

Однажды во время спектакля Дальский обнял и с силой привлек Вику к себе — пьяным гаишникам ведь многое позволено. Та не попыталась отстраниться, не напряглась даже, только быстро взглянула на партнера. И что было в ее взгляде, он не понял, но показалось, будто промелькнула в глазах девушки обреченность, словно именно сейчас совершается между ними то, чего все равно не миновать...

— Пепельницу вытряхни, — донесся до Алексея голос жены. Та протягивала ему поднос. — Тарелку поставь в мойку, а лучше вымой сразу. Хоть какая-то польза от тебя будет.

— Для пользы дела я наделил бы исполнительную власть большими полномочиями, — говорил с экрана известный олигарх. — А то сейчас получается, что как раз спрашивают с исполнителей, возможностей же исполнять у них нет. Или в бюджете расходы на необходимые мероприятия не предусмотрены, или все упирается в процедурные препоны. Порой простое согласование занимает столько времени! Не говоря о том, что никчемная бумажка должна получить визы двух десятков чиновников, которые, кажется, для того только и получают свою зарплату, чтобы запрещать то, в чем ни черта не понимают...

Дальский попытался понять, о чем ведет речь Потапов, но мысль ускользала от него. Тогда Алексей повторил вслух вслед за олигархом:

— «... Ни черта не понимают. Однако именно эти бездельники решают судьбы многих и многих проектов, реализация которых существенно изменила бы нашу жизнь».

Затем взял со стола пульт, отключил звук и продолжил:

— Учтите, перемены зависят не от президента страны, не от Государственной думы, а от мелких сошек, которые прекрасно сознают свою собственную ничтожность и потому всеми средствами пытаются запретить и не пустить, ожидая, что к ним придут и поклонятся. А люди деятельные кланяться не умеют...

— Похоже, — оценила жена. — Ты что, уже слышал это выступление?

Алексей покачал головой. Где он мог его слышать? Просто произнес вслух первое, что пришло в голову.

— Знаешь, а ты вообще чем-то похож на Потапова, — удивилась Нина. — Как я раньше не замечала? Тебе только прическу изменить да очки на нос водрузить. Хотя... У него взгляд волевой и решительный, а ты — амеба какая-то. Фря, одним словом.

От слов жены стало противно, и Дальский вышел на кухню. Нину он не любит, да и не любил никогда. Но если разводиться, то придется делить однокомнатную квартиру. Можно, конечно, ее продать, да только тогда они оба с Ниной останутся без крыши над головой. Снимать жилье Алексей не в состоянии: того, что ему платили в театре, едва на пропитание хватит. У супруги положение гораздо лучше — она работает администратором в спа-салоне и получает значительно больше, чем он. Правда, сколько именно, Дальский не знал даже приблизительно.

...Когда его призывали в армию, Алексей не сомневался, что служба будет проходить в гарнизонном клубе, где ему придется режиссировать праздничные концерты самодеятельности личного состава, ставить любительские спектакли, да еще давать уроки актерского мастерства офицерским дочкам, грезящим о сцене. Год пролетит быстро, и он вернется в свой театр.

Так и должно было случиться. Алексей попал в клуб мотострелковой бригады. Поначалу его заставили, конечно, изучать устав и ходить строем, но это длилось недолго. Златоволосая жена начальника штаба узнала, что в части будет проходить службу киноактер, фильмы с участием которого она помнила с ранней юности (кстати, детские роли Дальского всегда были выигрышные: то пионер, партизанский разведчик, то сын ученого-атомщика), и заглянула в клуб. Тридцатилетняя романтически настроенная Златовласка даже поговорила немного с новобранцем. Голос ее дрожал, то ли от волнения, то ли от соприкосновения с прекрасным. Служба стала значительно легче, а после принятия присяги Алексей рассчитывал на еще большую свободу передвижения. Однако случилось непредвиденное. Присяга была принята, а через пару дней весь личный состав погрузили в эшелон, боевую технику на платформы, и бригаду отправили к новому месту дислокации.

Ехали недолго, чуть более суток, и прибыли... на войну.

До вокзала в Грозном эшелон не дошел совсем немного, личный состав высадили. Некоторых посадили на боевую технику, и они отправились далее на броне, а те, кому не хватило места на бэ-тээрах и танках, потопали к пункту назначения

пешком по путям. Дальский брел рядом с незнакомыми пацанами и по их лицам понял, что страшно не только ему. Слышны были громкие очереди и одиночные выстрелы, но где стреляют — определить не представлялось возможным.

По прибытии на место началась суета. Дальский вместе с десятком других бойцов расположился возле стены какого-то сарая, за кирпичным парапетом ограды. Все, находившиеся рядом с ним, и сам Алексей тарасились на пустырь, за которым виднелись невысокие городские здания. Старшим был сержант, который, в отличие от рядовых, не занимался разглядыванием пустыря, а лежал на спине на расстеленном на снегу брезенте и, прижимая к груди пулемет, смотрел в небо, темнеющее от сумерек и дыма. Теперь очереди звучали не умолкая, и доносились они со стороны города. Алексей подумал: все, что он видит, слышит и ощущает сейчас, происходит не с ним, а с каким-то другим человеком, по нелепой случайности попавшим в неразбериху, неизвестно чем вызванную, а может, даже и выдуманную кем-то с непонятной целью. И человек, чьими глазами сейчас смотрит на окружающее, вовсе незнаком ему, только Дальский почему-то говорит его голосом, стараясь казаться спокойным и уверенным в себе, дрожа от промозглой сырости чужого едкого воздуха.

Алексей закрыл глаза. Внезапно раздался грохот орудийных залпов и затряслась земля.

— Сейчас на нас попрут, нутром чую, — произнес сержант.

Кто поперет и откуда, Дальский не понимал. И спросил сержанта:

— Ты уже был в бою?

Тот сплюнул в сторону и строго посмотрел на Алексея:

— Не «ты», а «вы». Понял, салага?

— Так точно!

Сержант поднялся и сел на корточки.

— В бою я не был, но все равно мы им сейчас такого вставим!

Быстро темнело, и Алексей отчетливо осознал, что темнеет навсегда. То есть сейчас наступит ночь, за которой не придет утро. Фонари не горели, и от этого город казался еще более мрачным. По-прежнему вокруг грохотало. Потом вдруг все стихло, и только ветер приносил еще какое-то время эхо далеких одиночных выстрелов. На миг показалось, что неразбериха закончилась. Что вот сейчас Алексей увидит себя в комнате студенческого общежития, которую ему предоставил на одну ночь Володя Цыдынжапов. На стене будет висеть копия тулуз-лотрековской афиши «Мулен Руж», а рядом с ним лежать Вероника Соснина. Она будет прижиматься к нему и ловить его поцелуи... Дальский так сильно захотел этого, что зажмурился. Сейчас, сейчас он откроет глаза и окажется в единственной их ночи, пахнувшей сорванной вечером сиренью и скорым расставанием. Так уже было. Но тогда это было с надеждами на будущее: на успех, славу, поклонение. А теперь Алексей точно знал, что Соснина уйдет из комнаты и вообще из его жизни тихо и незаметно, осторожно ступая босыми ступнями по засыпанному сигаретным пеплом проплешинам старого ковра.

Кто-то тронул его за плечо. Дальский открыл глаза и увидел нагнувшегося к нему полковника.

— Артист? — спросил тот.

Алексей кивнул.

— Тогда пойдем со мной.

Они вернулись на вокзал, вошли в здание. Миновали зал ожидания, оказались в темном коридоре.

доре. Полковник освещал путь фонариком, затем открыл дверь просторной комнаты, где уже находились несколько офицеров. Показал на стоящую на столе тарелку с бутербродами:

— Есть хочешь?

Дальский вспомнил о сержанте и других пацанах, оставшихся возле кирпичного пакгауза, и отказался.

— Сто грамм все равно прими, — велел полковник и подвинул к Алексею стакан с водкой. — Давай, давай... Скоро такое начнется! Меня жена попросила за тобой присмотреть.

Алексей догадался, что перед ним начальник штаба бригады, и поинтересовался:

— Долго мы здесь будем?

— Двух часов еще не прошло, а ты уже...

Полковник недоговорил — снова загрохотало все вокруг.

— Выпей! — крикнул начальник штаба. — Залпом пей и следуй за мной!

То, что происходило дальше, не укладывалось ни в пространстве, ни в памяти. Поначалу время, разбившееся на куски, как упавшее со стены зеркало, еще хранило отражение каких-то событий, которые можно было выстроить в определенной последовательности, но потом и эта цепь разорвалась на не связанные между собой фрагменты. Звенья ее разлетелись в темноте, оставив вспышки выстрелов, кривые пунктиры трассирующих пуль, всплески огня, удушливую горечь дыма и скрипящий вкус кирпичной пыли во рту. Ночной бой продолжался до утра, то затихая, то разгораясь с новой яростной силой.

Когда начало светать, Алексей выполз на воздух, чтобы отдышаться, но и здесь едкий дым раздирал

легкие. За кучей битого кирпича Дальский встретил того самого сержанта, с которым разговаривал возле пакгауза.

— Ты живой, брат? — обрадовался парень.

Они обнялись, и сержант сообщил, что другие ребята, бывшие там же, у пакгауза, погибли.

— Мина в стену угодила, их сразу всех осколками накрыло. А мне только рожу кирпичной крошкой посекло...

И он предложил сползать туда, пока затишье, и вынести тела.

Глава 4

В палате Ростовского военного госпиталя было тепло и тихо. Кроме Дальского, в палате лежали еще пятеро парней. Трое из них оказались с тяжелыми ранениями. Алексей чувствовал бы себя прекрасно, если бы не постоянные головные боли. Простреленное предплечье совсем не беспокоило, а потому Дальский, которому надоело лежать на койке, выходил в коридор и устраивался на подоконнике. К нему подбегала медсестра Ниночка.

— Как вы себя чувствуете, Алексей? — спрашивала она, когда пристраивалась рядом.

Так происходило много раз на дню, и каждый раз Дальский отвечал, что пока Нина рядом, у него ничего не болит. Медсестра была высокой, тоненькой и глядела на него восторженными глазами — только что на экраны вышел фильм, в котором Дальский сыграл выпускника военного училища, попавшего служить на опасный участок границы и полюбившего гордую красавицу из авторитетной семьи местных наркоторговцев и контрабандистов. Медсе-

стра смотрела фильм и плакала. По крайней мере так она уверяла. Нина приносила сигареты, которыми Дальский щедро делился с другими ранеными.

Два раза к Алексею приходили армейские дознаватели, выводили в ординаторскую и там задавали вопросы о том, как вели себя старшие офицеры, какие отдавали приказания и где находились во время боя. Сначала с ним беседовал капитан с вкрадчивым голосом. Капитан наклонялся близко-близко и шептал, спрашивая, а затем улыбался, ожидая ответа. Разве что по коленке не гладил. Дальский отстранялся и отвечал, что он и себя-то в бою помнит плохо, а приказания получал только от своих непосредственных начальников, причем команда была всегда одна и та же — «Ни шагу назад!».

— Прямо как при Сталине, — кивнул капитан и при этом не улыбнулся.

Потом Алексея посетил подполковник. Тот был деловым и вопросы задавал коротко и резко — так, как будто отрубал часть фразы.

— Где, когда и при каких обстоятельствах... вы в последний раз видели начальника штаба бригады... полковника Белова?

Дальский старался казаться заинтересованным в разговоре и отвечал, словно докладывал:

— Видел его раненым в бывшем зале ожидания, точнее, там, где были автоматические камеры хранения. Туда всех раненых приносили.

— Вы имели с ними беседу в момент вашей последней встречи? Характер ранения позволял полковнику Белову... руководить боевыми действиями бригады?

Алексей чеканил слова ответа:

— Полковник Белов был ранен двумя пулями в живот. Говорил с трудом, передвигаться самостоятельно не мог.

В какой-то момент дознаватель-подполковник удивленно посмотрел на Дальского: ему вдруг показалось, что допрашиваемый отвечает знакомым голосом. То есть голосом, похожим на его собственный, дознавательский. И тогда он попытался сказать что-нибудь более мягкое:

— Рядовой Дальский, вы представлены к высокой правительственной награде, возможно, станете даже Героем России. Но окончательное решение данного вопроса зависит от прямоты ваших ответов сегодня.

— Вот я и говорю прямо! — не выдержал Алексей. — Отслужил в армии два месяца и попал на войну. Ну, ладно, мне-то двадцать два года, но там было полно восемнадцатилетних мальчишек, которые за два месяца службы даже строем ходить не научились и автомата в руках не держали, до этого шестьдесят дней только плац подметали да толчки драили... Но они держали вокзал, потому что так командир приказал, и умирали, надеясь, что подмога вот-вот подойдет. А вокзал-то и не нужен был никому! Мы просто отвлекали противника. Всю нашу технику и тех, кто на броне в город въезжал, сразу сожгли. А на вокзале и двух батальонов не осталось. И в основном там зеленые все были. Полковник думал, что только так им жизнь сохранит. А они лежали и тихо плакали, когда их, раненых, добивали. Вы этого не видели, а я вот насмотрелся...

Дознаватель не дослушал, встал и ушел.

После полутора месяцев пребывания в госпитале Дальский понял, что еще неделя-другая — и его отправят в часть, в свою или какую другую, но снова на войну. И относился к этому спокойно. Домой матери Алексей отправил из Ростова несколько писем, в которых красочно описывал свою служ-

бу в гарнизонном доме офицеров, где якобы ведет драмкружок и готовит к постановке спектакль по пьесе Александра Вампилова «Утиная охота».

Двадцать третьего февраля по палатам ходило руководство госпиталя, поздравляя раненых с Днем защитника Отечества. Перед обедом, когда Дальский играл в шашки с соседом, в палату заскочила Ниночка. Она села рядом, обняла Алексея и шепнула ему на ухо:

— Выйди через пять минут на лестничную площадку.

Дальский вышел.

Нина ждала его, прижимая к груди большой полиэтиленовый пакет. И тут же начала доставать из пакета одежду.

— Вот джинсы, свитер, рубашка, пуховик. Это мне бывший одноклассник дал. Сейчас поедем ко мне, отметим праздник, посидим по-человечески. Ведь ты, наверное, домашней пищи давно не ел.

Алексей прямо на площадке переоделся, и Нина провела его через проходную. На улице в старенькой «копейке» их ждал тот самый одноклассник, любезно предоставивший свою одежду. Парень молчал всю дорогу, только изредка наблюдал в зеркало заднего вида, как Нина прижимается к известному актеру. Наконец не выдержал и спросил:

— Как там? А то меня весной должны призвать.

— Нормально, — ответил Дальский. — К весне все закончится.

А весна в Ростове уже началась. Светило солнце, и чирикали возле сверкающих луж воробьи.

Медсестра жила в Аксае, поселке за окраиной Ростова, состоявшем из грязных одноэтажных домишек, над крышами которых возвышались, как метлы, голые ветки зимних яблонь и вишен. Тот,

в котором обитала семья Нины, был с виду малюсенький, но когда Алексей оказался внутри, он удивился, как там смогли уместиться четыре комнаты. На пороге его встретили родители девушки: высокая полная мать и сухонький отец, надевший по поводу появления в доме артиста белую рубашку и галстук. Рубашка стояла пузырем и спереди, и сзади, а галстук был повязан кривым узлом, отчего ярко-зеленая «селедка» упиралась мужчине в подбородок.

— Проходите в дом, не надо обув сымать, — приветливо замахала руками мать. — Нина потом усе подметет, она у нас страсть какая трудолюбивая. И готовит к тому же хорошо. В холл прямо и проходите.

Посреди двенадцатиметровой комнаты стоял большой круглый стол, уставленный закусками и бутылками.

— Усе Ниночка приготовила, — продолжала суетиться мать медсестры, — я только немножко подмогла ей.

Гостя усадили на диван, а рядом присела Нина. Причем очень рядом присела. Мать сделала вид, что не заметила этой близости.

— Ну, шо, по одной за праздник? — предложил глава семьи и посмотрел внимательно на гостя. — Тебе, то есть вам, можно? Или нет никакой возможности?

— В каком смысле? — не понял Дальский.

— Просто Ниночка нас предупредила, что вы придете к нам с раной, — объяснила хозяйка дома.

Алексей едва сдержался, чтобы не расхохотаться, но ответил спокойно:

— Как раз наоборот: я пришел сюда очень даже свежим и намытым.

Нина погладила Алексея по плечу и прижалась к нему еще теснее.

— Леша получил сильную контузию, — вздохнула девушка, — даже речь была нарушена. А еще у него сквозная рана левого предплечья и касательное ранение правого бедра.

— И что врачи говорят? — участливо поинтересовался отец Нины.

— Да вроде не запрещают.

Хозяева и гость уселись вокруг стола. Алексей подставил рюмку, а мать Нины уже наполняла его тарелку студнем. Со вторым тостом решили не тянуть.

— За нашу победу! — провозгласила девушка.

Очень скоро Алексей услышал гул в ушах, ощутил слабость во всем теле и понял, что пьянеет. Голоса хозяев доносились откуда-то издалека, и он напрягался, чтобы понять, о чем идет речь, а разговаривали все почему-то одновременно.

— Я в Благовещенске срочную мантулил, там река Амур есть. А с другой стороны этого самого Амура китайский город Хей Хе. Такое вот дурацкое название китайцы для своего города придумали, смотрите, не ошибитесь...

— А почему вы, такой популярный артист, пошли в армию? Чтобы лучше понять жизнь простого народа?

— Китайцы на лодках все время на нашу сторону реки норовили попасть, потому что у нас рыбы больше: горбуша, кета всякая, амур опять же... Это уже рыба такая, смотрите, не перепутайте с рекой. А с китайской стороны Амура-реки одни лягушки, да и то их там очень мало осталось, потому что китайцы почти всех лягух уже съели...

— ...А с кем вы из известных артистов дружите? Или просто в хороших отношениях...

Дальский слушал и улыбался, не успевая отвечать. Хотя, может быть, родители Нины ответа от него и не ждали. А Нина все прижималась к нему, гладила по спине. От ее прикосновений хотелось закрыть глаза и уснуть.

— А правда, что в среде актеров очень часто случаются любовные романы?

Отец девушки вдруг запел:

На границе тучи ходят хмуро,
Край суровый тишиной объят.
У высоких берегов Амура
Часовые ротины стоят...

— Я люблю тебя, — долетали слова Нины, лаская слух, — я люблю тебя, ты единственный и самый лучший...

Уху было щекотно от ее губ, и Дальский рассмелся.

— А давайте еще выпьем! — предложил он.

Пока водка лилась в его рюмку, Алексей говорил и говорил, удивляясь тому, что он говорит, говорит, а рюмка все никак не наполняется.

— Отвечаю по порядку поступления вопросов. Итак, во-первых, я лягушек не ем. Во-вторых, любовные романы случаются не только у деятелей театра и кино. В-третьих, с актерами почти не дружу, ну, разве что с заграничными. Ален Делон, Бельмондо, Сильвестр Сталлоне. Хотя, если честно, с ними я тоже не дружу, а только приятельствую, когда они к нам на съемки приезжают...

Он нес всякую чушь, а в голове звучал чей-то знакомый голос:

«Господи, что ж такое? Сколько же я не пил? В последний раз начальник штаба налил сто грамм, потом мы вышли из вокзального буфета, а через

минуту после этого туда ударил снаряд гаубицы. Семь человек в клочки... Очень болит голова...»

У Алексея потемнело в глазах, боль сжала виски. Родители Нины быстро поднялись из-за стола.

— Мы пойдем, пожалуй. У меня тут брат на соседней улице живет. Мы у него переночуем. Вы тут располагайтесь, как дома.

«Кому они это говорят? Ведь я умер тогда...»

Он открыл глаза и не сразу понял, где находится. Показалось, что именно сейчас тишину разрежет свист подлетающей мины, а потом затрясутся стены и посыплются на землю битые кирпичи. Но вместо этого раздался звук автомобильного мотора, где-то совсем рядом проехала машина, и свет ее фар пролился на низкий потолок.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Нина.

— Нормально, — ответил Алексей.

У него и в самом деле ничего не болело. Голова была свежа, и дышалось легко. Дальский ощущал все запахи окружающего мира, который прижимался к нему и дышал робко в плечо. От Нины пахло духами, аромат был цветочный, но что это за цветы, Алексей понять не мог. Мальвы, петунии, фиалки?

— Я люблю тебя, — прошептала девушка.

Он обнял ее, даже не удивляясь тому, как они оказались в другой комнате, в постели, почему на них нет никакой одежды, почему вдруг наступила ночь, да еще такая нежная и обещающая, почему то, что сидело в нем почти два месяца, исчезло внезапно непонятно куда, а осталось лишь желание жить и любить кого-то, любить так сильно, чтобы все в мире изменилось от этой любви, чтобы мир стал добрее и чище, а люди перестали умирать.

Алексей целовал девушку, захлебываясь от желания жить вечно, неожиданно понимая, что самое страшное в его жизни уже прошло, и теперь все будет так, как он захочет, стоит только пожелать чего-то, все равно чего, и что это наверняка исполнится, потому что он теперь другой, и весь мир теперь другой...

Глава 5

Он вернулся в госпиталь утром, перед самым завтраком. С Ниной вместе добрались на такси до ограды, за которой был госпитальный сквер. Перед тем как проникнуть на территорию, Дальский поцеловал девушку, и она долго не могла оторваться от него. Потом, протиснувшись в щель, он переоделся тут же возле забора, засунул чужие вещи в пакет и передал сверток Нине. А та снова поцеловала его.

В палате было тихо. Но когда Алексей нырнул в свою постель, лежащий рядом прапорщик Дятлов сказал тихо:

— Лейтенант ночью умер.

— Как?! — поразился Дальский. — Он же на поправку шел... я с ним вчера в шашки играл...

— Ну да, — подтвердил Дятлов, — еще вечером нормальный был, спать лег. А ночью стонал. Я хотел даже за медсестрой бежать, но лейтенант замолчал, и я раздумал, решил утра дожждаться. А видишь, как получилось. Говорят, кровоизлияние у него. Всего двадцать два года парню. Твой ровесник, кстати.

Тут вроде бы по делу вошла светившаяся от счастья Нина и дала каждому по термометру. Один термометр так и остался у нее в руке. Надеюсь, что никто не обращает на нее внимания, погладила